

УДК 81.255.2

Мирошник Е.К.

Московский государственный областной университет

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ИРОНИИ И ИХ ПЕРЕВОД

E. Miroshnik

Moscow State Regional University

LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING AN AUTHOR'S IRONY AND THEIR TRANSLATION

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам адекватности, которая нередко носит компромиссный характер, и эквивалентности как тождества лексических единиц (слов) и синтаксических отношений между этими единицами, при переводе с английского языка на русский язык. Рассматриваются роль, которую играют стилистические приёмы при создании образов в художественной литературе, а также юмор и ирония, как характерные черты английской литературы. Особое внимание уделяется авторской иронии, выраженной на разных уровнях, в романе О. Хаксли «Жёлтый Кром» и тем сложностям, которые возникают при её передаче на русский язык.

Ключевые слова: международная коммуникация, перевод, литература, стилистические приёмы, юмор, ирония, О. Хаксли.

Abstract. This article is dedicated to the problems of adequacy which often has a compromising nature and equivalence as the sameness of lexical units (words) and syntactical relations between these units in translation from English into Russian. The role of various stylistic devices for the formation of heroes' characters in fiction is considered. Humor and irony are viewed as characteristic features of English fiction. Special attention is given to the author's irony verbalized at different levels in the novel "Crome Yellow" of A. Huxley and to the difficulties of its translation into Russian.

Key words: international communication, translation, literature, stylistic devices, humor, irony, A. Huxley.

Чтобы понять собеседника-иностранца, иногда необходимо не только знание языка, но и представление об истории, культуре и религии страны. Литература, как зеркало, отражает жизнь общества. Она день за днём описывает события, настроение, стиль мышления людей. Это особенно справедливо по отношению к автобиографическим произведениям, в которых автор даёт оценку происходящего. Поэтому роман О. Хаксли «Жёлтый Кром» можно рассматривать, как одно из самых реалистичных произведений начала XX в., с помощью которого можно познакомиться с социокультурной обстановкой того времени.

Для создания художественных образов авторы используют различные стилистические приёмы, в том числе и иронию. Англичанам, как известно, свойственно ироническое отношение к действительности и к самим себе. И едва ли какая-нибудь другая нация столь же самоиронична.

Юмор вообще и ирония в частности очень субъективны, поэтому здесь задача переводчика существенно усложняется. Нужно не только оценить то, что хотел донести до своих читателей автор, но и передать его замысел с учётом подготовленности читателей. Т.А. Казакова в книге «Практические основы перевода» утверждает, что «иногда подразумеваемое выражается в языковых единицах, которые сами по себе представляют трудность для перевода, но гораздо чаще проблема заключается в несоответствии традиционно применяемых способов выражения иронии в разных культурах. Выражение иронии, насмешки осуществляется различ-

ными способами, которые могут различаться по форме, содержанию и функциях в разных языках и речевых традициях» [3, с. 273].

К.А. Долинин в работе «Стилистика французского языка» указывает, что «синтаксические конструкции, выражающие эмоцию, безразличны к характеру этой эмоции; одни и те же конструкции употребляются для выражения и одобрения, и осуждения, и гнева, и радости, и страха, и удивления» [2, с. 106].

Обычно исследователи рассматривают иронию как тип комического. Так, Дземидок Б.О. оценивает иронию как замаскированную насмешку, где скрытый смысл является отрицанием буквального [1, с. 102]. Но всегда ли английская ирония смешна? Проведённый анализ романа О. Хаксли «Жёлтый Кром» (объём – 279 страниц) и его перевода на русский язык, сделанного Л.К. Паршиным (объём – 311 страниц), показывает, что ирония этого автора – это сочетание юмора и грусти. Рассмотрим несколько примеров иронии О. Хаксли, выраженной на разных уровнях, а также те сложности, с которыми приходится иметь дело переводчику при её передаче на русский язык.

1) Ирония, выраженная на лексическом уровне.

Когда мистер Барбекью-Смит уехал, Генри Уимбуш подводит итог: “A very agreeable adjunct to the week-end” [7, с. 94]. В переводе Л.К. Паршина читаем: «Весьма приятное дополнение к нашей компании» [5, с. 95].

Слово “agreeable” имеет положительное значение: ‘приятный, милый’. Но из контекста понятно, что подлинный смысл высказывания «Весьма приятное дополнение к нашей компании» – «Хорошо, что он уехал». В данном случае переводчиком реализованы полный перевод и культурно-ситуативная замена. Понятие «уикенд» не было бы понятно читателю в 1987 г., когда был опубликован перевод Л.К. Паршина, поэтому для решения проблемы адекватности перевода использована культурно-ситуативная замена. А.Д. Швейцер в книге «Теория перевода» отмечает: «Адекватность... опирается на реальную практику перевода, которая часто не

допускает исчерпывающей передачи всего коммуникативно-функционального содержания оригинала. Адекватность исходит из того, что решение, принимаемое переводчиком, нередко носит компромиссный характер, что перевод требует жертв и что в процессе перевода во имя передачи главного и существенного в исходном тексте (его функциональных доминант) переводчику нередко приходится идти на известные потери» [6, с. 96]. В.Н. Комиссаров считает, что «необходимость обеспечить адекватное понимание передаваемого сообщения для реципиента перевода может вынудить переводчика заменить непонятный элемент исходного сообщения добавочной информацией, которая лишь подразумевалась в оригинале, но была вполне очевидна для реципиента оригинала» [4, с. 212]. Благодаря этой замене перевод не утяжеляется, можно избежать пояснений и ссылок, при этом смысл высказывания не искажается.

2) Ирония, выраженная на синтаксическом уровне.

Так, ирония в обособленной синтаксической конструкции реализуется во вводном предложении: “He was twenty-three, and oh! so agonizingly conscious of the fact” [7, с. 36]. Перевод: «Ему было двадцать три и – о, как мучительно сознавать это!» [5, с. 37].

“Agonize” – to suffer or cause to suffer extreme physical or mental pain or anguish – негативный смысл, положительный – “twenty-three”. Благодаря этому сочетанию в данном вводном предложении создаётся отрицательная субъективно-оценочная модальность. Перевод этого предложения полный. Задачи достижения эквивалентности и адекватности в целом решены. Эквивалентность перевода В.Н. Комиссаров рассматривал в книге «Теория перевода»: «Для полного тождества содержания оригинала и перевода необходимо ещё, чтобы полностью совпали составляющие их лексические единицы (слова) и синтаксические отношения между этими единицами» [4, с. 39].

Рассмотрим выражение иронии в восклицательном предложении. Герой романа Дэнис так оценивает свои стихи: “What genius I had

then!» [7, с. 40]. Перевод: «Как я был тогда гениален!» [5, с. 41].

“Genius” – a strong leaning of inclination; a peculiar, distinctive or identifying character of spirit – положительная семантика. В данном случае автор и денотат – одно и то же лицо, для которого семантика высказывания остаётся положительной. Из контекста становится ясно, что стихи героя романа можно оценивать, используя много эпитетов, например, «бездарные», но никак не «гениальные». Поэтому внешне положительная семантика предложения «Как я был тогда гениален!» на самом деле отрицательна. Переводчику удалось решить задачи достижения адекватности и эквивалентности.

3) Реализация иронии на уровне текста.

Автор с иронией относится к так называемым «писателям». Приведём диалог между героями романа Дэнисом и Барбекью-Смитом:

- You write, - he asked, - don't you?

- Well, yes—a little, you know.

- How many words do you find you can write in an hour?

- I don't think I've ever counted.

- Oh, you ought to, you ought to. It's most important.

Denis exercised his memory. “When I'm in good form,” he said, “I fancy I do a twelve-hundred word review in about four hours. But sometimes it takes me much longer”.

Mr. Barbecue-Smith nodded.

- Yes, three hundred words an hour at your best... Guess how many words I wrote this evening between five and half past seven.

- I can't imagine...

- Well, I'll tell you. Three thousand eight hundred [7, с. 65].

Сравним с переводом на русский язык:

- Вы ведь пишете, не так ли?

- Гм, да, пожалуй, - немного.

- Сколько слов вы можете написать за час?

- Признаться, никогда не считал.

- О, вам надо обязательно посчитать, обязательно. Это чрезвычайно важно.

Дэнис напряг память.

- Когда я в хорошей форме, - сказал он, - то, полагаю, что статью в тысячу двести слов я

пишу приблизительно четыре часа. Но иногда и много дольше.

Мистер Барбекью-Смит кивнул.

- Так, триста слов в час в лучшем случае... Отгадайте, сколько слов я написал сегодня между пятью и половиной восьмого?

- Не могу себе представить...

- Что ж, скажу вам. Три тысячи восемьсот слов [5, с. 66].

В этом примере ситуативная ирония не декодирована, но она легко угадывается, когда мы понимаем, что двух «писателей» волнует вопрос только количества слов, которые они успевают написать за час. В английском тексте читаем: “How many words do you find you can write in an hour?”. У глагола “to find” есть значения ‘устанавливать’, ‘делать вывод по записям’, но если одно из этих значений добавить в предложение «Сколько слов вы можете написать за час?», то оно в данном случае привело бы к избыточности. Поэтому перевод сделан с опущением. Фраза “Oh, you ought to, you ought to. It's most important” переведена: «О, вам надо обязательно посчитать, обязательно. Это чрезвычайно важно». В данном случае глагол “ought” заменен на наречие «обязательно», так как изобилие глагольных форм – отличительная черта английского языка, а для русского языка это не столь характерно. В оригинале: “Well, I'll tell you”, а в переводе: «Что ж, скажу вам». Английское наречие “well” можно перевести русским наречием «хорошо». Но у него есть также значение «благодарно». В данном случае переводчик предпочёл заменить нейтральное «хорошо» на «что ж», чтобы подчеркнуть снисходительное отношение «мастера» к новичку. Задача адекватности перевода при этом в целом решена.

Интересна характеристика другого «писателя» – Айвора:

“He could write rhymed verses with an extraordinary rapidity... He resembled Shakespeare in knowing little Latin and less Greek” [7, с. 136].

Перевод: «Он с невероятной быстротой сочинял рифмованные стихи... Он походил на Шекспира тем, что лишь немного знал латынь и еще меньше – греческий» [5, с. 138].

Как можно понять, Айвор не обладал способностями Шекспира. Этот отрывок не представляет трудности для перевода, поэтому возможен полный перевод.

Рассмотрим ассоциативную иронию, выраженную при помощи лексико-структурного повтора. Контактный и дистантный повтор прилагательного “first-rate” становится средством выражения иронического отношения автора к Мэри – девушке без собственного мнения и убеждений, нахватавшейся всевозможных модных теорий.

Первый абзац: “What are you reading?” She looked at the book: “Rather second-rate, isn’t it?” The tone in which Mary pronounced the word “second-rate” implied an almost infinite denigration. She was accustomed in London to associate only with first-rate people who liked first-rate things, and she knew there were very, very few first-rate things in the world, and that those were mostly French” [7, с. 73].

Перевод: «Что вы читаете? – Мэри бросила взгляд на обложку. – А, литература второго сорта, да? Она произнесла это тоном огромного внутреннего превосходства. В Лондоне Мэри привыкла общаться только с людьми первого сорта, которые любили всё первосортное, и знала, что в мире очень мало первосортного, а то, что есть, главным образом, французское» [5, с. 74].

В переводе этого абзаца встречается синтаксическое преобразование и опущение. Словосочетание “infinite denigration» достаточно сложно для перевода в данном контексте. Значение слова “infinite” – ‘бесконечный, очень большой’; “denigration” (редк.) – ‘клевета’. Переводчику пришлось использовать функциональную замену.

Второй дистантно расположенный абзац: “Gombauld has more talent”, Mary began, “But he is less civilized than Denis”. Mary’s pronunciation of “civilized gave the word a special and additional significance. She uttered it meticulously, in the very front of her mouth, hissing delicately on the opening sibilant. So few people were civilized, and they, like the first-rate work of art, were mostly French” [7, с. 76].

Перевод: «Гомбо талантливее Дэниса, – на-

чала Мэри, – но он хуже воспитан». То, как Мэри произносила слово «воспитан», придавало ему особое, дополнительное значение. Она выговаривала его очень тщательно, мягко придыхая на ударной гласной. Воспитанных людей так мало, и они, как и первоклассные произведения искусства, большей частью французы» [5, с. 77].

Наличие дистантного и лексического повтора “first-rate” сближает понятия “first-rate” и “civilized”, превращая их в контекстуальные синонимы. В прилагательном “civilized” индуцируется сема ‘первосортный, превосходящий других по своим качествам’. Благодаря этому возникает противопоставление не только “first-rate” – “second rate”, но и “civilized” – “less civilized”, “second-rate”. Дистантный повтор “first-rate” во втором абзаце имеет явно выраженный ретроспективный характер, указывающий на очевидный структурный и смысловой параллелизм абзацев. Оба построены по одной схеме: 1) прямая речь Мэри, вводящая тему абзаца; 2) изображение автором особенностей произношения Мэри; оба изображения противопоставлены друг другу: в первом абзаце девушка произносит “second-rate” уничижительно; во втором “civilized” с восхищением; таким образом, в обоих случаях вводится рема, выявляющая вкусы и мировоззрение девушки; 3) высказывания обобщающего характера, завершающие рему, имплицитно выражающие кредо Мэри, в обоих случаях одинаковое: «французское – самое лучшее». Ассоциативные связи между двумя абзацами, актуализированные таким лексико-структурным повтором, совершенно очевидно воплощают авторскую отрицательную субъективно-оценочную модальность. Проблема адекватности перевода решена.

Автор даёт оценку героям и событиям, пользуясь широкой гаммой языковых средств на протяжении всего произведения. Из проведённого анализа можно сделать вывод о том, что в романе «Жёлтый Кром» преобладает ирония, выраженная синтаксическими средствами и на уровне текста. Автор выражает своё отношение не прямо, а косвенно, что делает описания более яркими и интересными.

Особенность иронии Хаксли состоит в том, что, читая его роман, мы зачастую встречаемся с примерами самоиронии. Эта ирония направлена как на самого автора, так и на его коллег. Но Хаксли волнует не только судьба литературы, он обращается к темам живописи, архитектуры, философии.

Из особенностей иронии Хаксли вытекают и особенности передачи его иронии на русский язык. Как можно увидеть из анализа, при усложнении рассматриваемого уровня усложняется и перевод: на синтаксическом уровне переводчику приходится прибегать к добавлению и опущению смысловых компонентов. Уровень текста более сложен, поэтому приёмов, применяемых при переводе, больше. Были использованы синтаксические преобразования на уровне предложения, расширение, опущение смысловых компонентов и функциональная замена.

Кроме того, при усложнении уровня, на котором выражена ирония, становится и ярче палитра чувств, передаваемых автором. Это уже не только насмешка, но и грусть, и сожаление. Поэтому нельзя не согласиться с исследователями, которые считают, что иронию необходимо рассматривать намного шире, чем антифразис. Т.А. Казакова в книге «Практические основы перевода» отмечает, что «на-

метившийся подход к иронии как способу мировосприятия подвёл литературоведов к необходимости разграничения двух понятий: ирония как средство, техника, стилистический приём и ирония как результат – иронический смысл, созданный рядом разноуровневых средств языка. Очевидно, что в иронии, выраженной синтаксическими средствами и на уровне модальности, слова приобретают не прямо противоположные значения, а возникает множество окказиональных смыслов» [3, с. 29]. Это порой ставит перед переводчиками нелёгкие задачи, но обязательно должно быть учтено при переводе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дземидок Б.О. О комическом. – М.: Высшая школа, 1974. – 223 с.
2. Долинин К.А. Стилистика французского языка. – Л.: Просвещение, 1978. – 343 с.
3. Казакова Т.А. Практические основы перевода. – СПб.: Союз, 2000. – 319 с.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
5. Хаксли О. Жёлтый Кром. – М.: Художественная литература, 1987. – 311 с.
6. Швейцер А.Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). – М., 1988. – 215 с.
7. Huxley A. Crome Yellow. – М.: Прогресс, 1976. – 279 с.